

УДК 94 (470)

В. Ю. Карнишин

МОДЕРНИЗАЦИЯ И РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В НАЧАЛЕ XX в.

Аннотация. В статье рассмотрены различные аспекты отношения российского общества к реалиям модернизационного процесса начала XX в. Отмечены факторы, влиявшие на социальное поведение представителей различных страт позднеимперской России.

Ключевые слова: Россия, модернизация, власть, империя, бюрократия, дворянство, крестьянство, рабочие, интеллигенция.

Abstract. The article considers different aspects of attitude of the Russian community to the realities of the modernization process in the early XXth century. The author mentions the factors, which influenced social behavior of representatives of different groups of the late-imperial Russia.

Key words: Russia, modernization, power, empire, bureaucracy, nobility, peasantry, labour, intelligentsia.

Восприятие российским обществом реалий модернизационного процесса – одна из актуальных тем российской историографии. В начале XX в. спрессовались события, содержание и смысл которых, как известно, воспринимались по-разному среди представителей социальных страт. Экономический кризис 1900–1903 гг., русско-японская война, революция 1905–1907 гг., становление отечественного парламентаризма, реформаторская политика, связанная с именем П. А. Столыпина, расцвет культуры Серебряного века порождали всплеск эмоций, перепады в политизации населения, кризис в системе ценностей населения страны.

В. В. Шелохаевым справедливо отмечалось, что центральной осью конфликта между авторитарным режимом и обществом стали две взаимосвязанные проблемы: борьба за власть и борьба за передел собственности, прежде всего в аграрном секторе, который в своей основе оставался традиционным и слабо вовлеченным в систему рыночных отношений [1, с. 214].

Рассматривая отношение общества к власти в контексте модернизации, следует обратить внимание на ряд особенностей.

Рост интереса к политике был достаточно правомерен на фоне возраставшего недовольства проводимой внешней и внутренней политикой.

Обратим внимание на содержательную переписку адъютанта Великого князя Константина Николаевича А. А. Киреева и сына видного славянофила Ф. Д. Самарина. Для них, сторонников консерватизма, становилась очевидной необходимость перемен. При этом А. А. Киреев постановил: «Многое у нас следует изменить, отменить, улучшить, но этого можно достигнуть и безо всякой ломки, удерживая и даже усиливая наш исконный политический

и самодержавный строй» [2, с. 14]. Соглашаясь со своим корреспондентом, Д. Ф. Самарин констатировал, что «общество, а с ним вместе и правящая бюрократия убеждены, что с самодержавием несовместимы ни свобода совести, ни свобода личности, ни законный порядок управления» [3, с. 40].

Какие предложения по стабилизации ситуации в стране стали предметом дискуссий между корреспондентами?

А. А. Киреев исходил из необходимости ослабить зависимость императора от министров (для этого не предполагалось присутствие на докладах лиц, «не связанных с докладчиками и ни в каком отношении от них не зависящих»). Интересны и другие инициативы: представление министрами программ их деятельности, изъятие печати из-под административного произвола, проведение административной децентрализации, предоставление земствам права ходатайств лично императору [3, с. 40–43].

Соглашаясь, в принципе, с разработкой вдумчивой политики, Ф. Д. Самарин с осторожностью замечал, что, сочувствуя А. А. Кирееву, он настаивает на оговорке: «Наше общество незрело, не в версту таким мерам, его надо подучить, доразвить» [3, с. 48–49]. Аргумент о том, что «времени нет», Ф. Д. Самарин явно недооценивал: «Да, положение наше, несомненно, очень серьезно, но сколько времени еще оно может так протянуться без окончательного крушения – об этом судить мудрено... Думаю, что и теперь, при всей неопытности кормчего (Николая II – В. К.), мы, Бог даст, минует благополучно те подводные камни и скалы, которыми усеян наш путь» [3, с. 49].

Таким образом, явная недооценка остроты политической ситуации становилась политическим фактором, в конечном итоге предопределившим принятие важнейших государственных решений с явным отставанием от событий. Справедливо замечание А. В. Репникова о том, что немногими консерваторами ставилась задача не только подготовки «элиты», но и возможного политико-правового воспитания народа. И это при том, что сильное государство и сильная власть связывались в их представлении только с монархической системой. Что касается модернизационных изменений, то монархическая система, по мнению консерваторов, наиболее полно отвечала славянскому культурно-историческому типу [4, с. 165–166]. Это положение разделялось самим монархом. При этом следует отметить, что он воспринимал государственную политику, безусловно, как приватное дело верховного носителя власти, что явно противоречило динамичной политической жизни начала XX в. [5, с. 208].

Модернизационные процессы болезненно воспринимались большой частью поместного дворянства. Помимо «оскудения» дворянского землевладения, в этой среде по-прежнему сохранялось неуважение к крестьянам. Контент-анализ выступлений поместного дворянства на корпоративных и земских собраниях, писем, дневников, воспоминаний позволил выявить оценочные суждения и социально-психологические реакции помещиков на поведение крестьянства. Среди определений данному крестьянскому сословию преобладают эпитеты: «невежественный», «глупый», «подлый», «ленивый», «несчастный», «бедный», «некультурный», «темный», «неграмотный», «темная масса». Небезынтересны оценочные высказывания, относящиеся к революционному выступлению крестьян: «бунт», «крамола», «пугачевщина», «грабеж», «бедствие», «измена» [6, с. 164].

Для прагматиков-дворян (их количество было явно невелико) было свойственно стремление увеличить число членов дворянских корпораций путем приема в эту среду лиц православного вероисповедания, владевших землей и зарекомендовавших себя с положительной стороны в общественной деятельности [7, с. 347]. Однако данное предложение А. А. Наумова, являвшегося губернским предводителем в Самаре, не встретило понимания в его среде. Симптоматичной была позиция представителей поместного дворянства, отвергших компромисс с правительством П. А. Столыпина в прениях о проектах реформ в Совете по делам местного хозяйства. Конфронтационность «старой гвардии поместных землевладельцев» блокировала саму возможность проведения столь очевидных преобразований в сфере местного управления [8, с. 256].

Вместе с тем исследователи обращают внимание на формирование новой социальной группы – дворянской интеллигенции, что в свою очередь содействовало сближению дворян с другими земельными собственниками, а также вхождению ее в состав буржуазии [9, с. 226].

Достаточно противоречивым оставалось положение крестьянства, облик которого претерпевал существенные изменения под влиянием событий начала XX в. В отчете, адресованном директору Департамента полиции, отмечалось, что «сельское население по своему направлению можно подразделить на три части: первая – старики, люди спокойные, в большинстве религиозные, по своим убеждениям – монархисты; вторая – люди среднего возраста, участники аграрных движений в 1905–1906 гг.; третья часть – молодежь, в большинстве просто развращенные, хулиганствующие люди, не признающие никаких авторитетов» [10]. Заметим, что властям не удалось разработать комплекс мер, призванных учесть растущую дифференциацию доходов и усиление конфликтности в деревенской среде.

Новации, порожденные модернизационным процессом, призванные совершенствовать хозяйствование в сельской общине, нередко порождали отторжение правительственных проектов. При реализации аграрной реформы П. А. Столыпина, как отмечал корреспондент «Саратовского листка», «было распространено предубеждение, что крестьяне по свойственным им инертности и консерватизму отнесутся к господским проектам если не отрицательно, то индифферентно» [11]. С другой стороны, сохранялась подозрительность в оценках намерений властей. Когда прибывший в одно из сел под Симбирском губернатор пытался убедить слушателей в преимуществах выхода из общины, крестьяне предпочли отправить своих представителей «за советом» в землеустроительные комиссии. Но посланцы, вернувшись из города, не смогли развеять предубеждений односельчан: «Правительство велит вот нам на вырезку укрепиться... Как нам лучше? А нам сумнительно» [12]. Подобные настроения были характерны не только в крестьянской среде. Общественный и государственный деятель Ф. В. Шлиппе вспоминал, что московский губернский предводитель дворянства А. Д. Самарин демонстративно не являлся на заседания губернской землеустроительной комиссии, членом которой он состоял согласно уставу. А на состоявшемся в Москве Всероссийском съезде земских агрономов один из докладчиков представил ряд тезисов, в которых призвал к порицанию переход к единоличному хозяйству [13, с. 190].

Проблемы восприятия передового опыта хозяйствования крестьянства российской провинции постоянно вызывали повышенный интерес в различ-

ных стратах общества. В этой связи особого внимания заслуживает исследование американского историка Я. Коцониса, посвященное развитию сельскохозяйственных корпоративов в России в контексте аграрного вопроса. Автор далек от оценки кооперации как своего рода «ключа» к решению аграрного вопроса. Резюмируя, Я. Коцонис утверждает: «Теория и практика кооперативного движения в России свели образ самостоятельного кооперативного крестьянства к логическому оксюморону, а право, традиционные представления и местная практика продолжали твердить, что в сельской среде нет иной власти, кроме как привнесенной извне. Закон и его практическое исполнение не способствовали также и формированию самосознания местного общества» [14, с. 279]. Заметим, что последнее суждение об общественной активности крестьянства в период избирательных кампаний по выборам в Государственную Думу говорит об обратном. При этом следует согласиться с выводом о том, что процесс вовлеченности в избирательные кампании имел региональные особенности, как различной была и степень вовлеченности населения, когда участие в выборах ограничивалось лишь выбором выборщиков [15, с. 318].

Начало XX в. – период, связанный с глубокими переменами в рабочей среде. Их повседневная жизнь была далека от многих оценок, сформулированных в работах ряда историков. Новейшие исследования 1990–2000-х гг. внесли глубокий вклад в осмысление содержания рабочего движения.

А. М. Беловым отмечалось, что до начала революции 1905–1907 гг. рабочие России предпочитали практические действия теоретическим рассуждениям лидеров социал-демократии, явно отстававших от динамики общественно-политического процесса. Игнорировать рабочий вопрос не могли те политические партии, которые возникли в условиях нарастания протестного движения, вовлекшего в свою орбиту новые социальные группы [16].

Политизация рабочих проходила достаточно сложно. Нижегородский краевед Д. Н. Смирнов, современник событий начала XX в., в своих неопубликованных в советские годы очерках оставил воспоминания об облике городских рабочих, часть которых «ради двух-трех часов иллюзий, миражей и самообмана ходили по воскресеньям в трактиры» [17, с. 112].

Другая часть рабочих впитывала новые ценности. В 1897 г. усилиями сормовских учителей и заводских интеллигентов была устроена библиотека-читальня, организованы любительские актерские кружки [17, с. 104].

Неоднозначность суждений о своем месте в меняющейся России может быть уяснена с учетом привнесенных в городскую среду деревенских стандартов поведения. Речь идет, во-первых, о понимании самодержавия не как государственного устройства, а как произвола администрации. Во-вторых, достаточно ярко проявлялось негативное отношение к частной собственности. Наконец, вплоть до 1905 г. в рабочей среде сохранялось господство патриархально-патерналистских отношений [18, с. 134–135].

Уяснить причины радикализации в рабочей среде (особенно в февральском Петрограде) возможно с учетом вступления в активную политическую жизнь нового поколения городской молодежи, достигшего трудового возраста после революции 1905–1907 гг. Л. Хаймсон конкретизировал ее облик со свойственной ему точностью: «Не имея опыта революционной борьбы, она не знала и горечи поражений, не участвуя в профсоюзном движении и других рабочих организациях в годы реакции, она не испытала и их здорового влияния. Именно эта молодежь, «горячая и импульсивная», «не закаленная в клас-

совой борьбе», служила в это время средним звеном между лидерами партии большевиков и трудовыми массами» [19, с. 137].

В конечном итоге новое поколение стало активной мощной силой социально-политического протеста, взорвавшего страну в 1917 г. По замечанию В. П. Булдакова, «фактор так называемой юношеской деструктивности перерос рамки конфликта «отцов и детей» и стал социально значимой силой» [20, с. 23].

Изучение состояния российского общества в контексте модернизационного процесса позволяет прийти к выводу о сохраняющемся социокультурном расколе в обществе, крайней болезненности адаптации различных страт к переменам. Привнесение норм общинной жизни в городскую среду отражалось на мироощущениях и стандартах социального поведения населения, вовлекавшегося в политическую жизнь без должного осмысления опыта реформирования. Подобные явления порождали новые деструктивные процессы, переросшие в общенациональный кризис.

Список литературы

1. **Шелохаев, В. В.** Общенациональные интересы в конфронтационном обществе / В. В. Шелохаев // Россия: государственные приоритеты и национальные интересы / отв. ред. О. В. Волобуев. – М. : РОССПЭН, 2000.
2. **Киреев, А. А.** Россия в начале XX столетия / А. А. Киреев. – СПб., 1903.
3. Переписка А. А. Киреева и Ф. Д. Самарина / публ., вступ. ст. и ком. И. В. Лукоянова // Нестор. – 2000. – № 3.
4. **Репников, А. В.** Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX века) / А. В. Репников. – М. : Готика, 2006.
5. **Фирсов, С. Л.** Николай II: пленник самодержавия / С. Л. Фирсов. – М. : Молодая гвардия, 2010.
6. **Барينو́ва, Е. П.** Российское дворянство в начале XX века: социокультурный портрет / Е. П. Баринова. – Самара : Самарский университет, 2006.
7. **Наумов, А. Н.** Из уцелевших воспоминаний 1868–1917 / А. Н. Наумов. – Нью-Йорк, 1954. – Кн. I.
8. **Могилевский, К. И.** Столыпин и общество: опыт взаимодействия по делам местного хозяйства / К. И. Могилевский // Проблемы российской и социальной истории : сб. науч. ст. / под ред. Н. А. Носкова. – Самара : Самарский университет, 2011.
9. **Иванова, Н. А.** Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века) / Н. А. Иванова, В. П. Желтова. – М. : Новый хронограф, 2010.
10. Государственный архив Саратовской области. Ф. 53. Оп. 8. Д. 21. Л. 10 об. – 11.
11. Саратовский листок. – 1909. – 6 апреля.
12. Народные вести. – 1908. – 25 февраля.
13. **Шлиппе, Ф. В.** Построить здоровую Россию на основах сильного крестьянства / Ф. В. Шлиппе // П. А. Столыпин глазами современников / под общ. ред. П. А. Пожигайло. – М. : РОССПЭН, 2008.
14. **Коцонис, Я.** Как крестьян делали отсталыми: сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России 1861–1914 гг. / Я. Коцонис. – М. : Новое литературное обозрение, 2006.
15. **Селунская, Н. Б.** Зарождение демократической культуры: Россия в начале XX века / Н. Б. Селунская, Р. Тоштендаль. – М. : РОССПЭН, 2005.
16. **Белов, А. М.** Рабочие и самоопределение политических партий России в 1905–1907 гг. / А. М. Белов // Рабочие – предприниматели – власть в конце XIX – начале XX в.: социальные аспекты проблемы : материалы V Междунар. науч. конф.

(Кострома, 23–24 сентября 2010 г.). – URL: <http://www.rummuseum.ru/zabochie.515.php>.

17. **Смирнов, Д. Н.** Очерки жизни и быта нижегородцев в начале XX века / Д. Н. Смирнов. – Нижний Новгород : РИ «Бегемот», 2001.
18. **Борисова, А. В.** Влияние крестьян-отходников на менталитет рабочего класса / А. В. Борисова // Предприниматели и рабочие России в трудах историков XX века : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. памяти проф. М. Н. Белова. – Кострома : Изд-во КГУ им. Н. А. Некрасова, 2001. – Ч. 1.
19. **Хаймсон, Л.** Проблемы социальной стабильности в городской России 1905–1917 гг. / Л. Хаймсон // Нестор. – 2000. – № 3.
20. **Булдаков, В. П.** Красная смута: Природа и последствия революционного насилия / В. П. Булдаков. – М. : РОССПЭН, 2010.

Карнишин Валерий Юрьевич

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории
Отечества, государства и права,
Пензенский государственный
университет

E-mail: valerykarnishin@mail.ru

Karnishin Valery Yuryevich

Doctor of historical sciences, professor,
head of sub-department of history
of Russia, state and law,
Penza State University

УДК 94 (470)

Карнишин, В. Ю.

Модернизация и российское общество в начале XX в. / В. Ю. Карнишин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2012. – № 3 (23). – С. 3–8.